

Эта квартира находилась на самом верхнем этаже. Огромные панорамные окна открывали широкий обзор, расположение и угол были превосходными — это была высота, с которой их точно никто не смог бы подглядеть.

Цзян Чжуй в постели никогда не отличался особой нежностью, и столь покорная, подчиненная поза человека перед ним заставила в его темном взгляде промелькнуть легкое волнение, а его движения стали еще более бесцеремонными.

Когда внизу открылся панорамный вид на ослепительный ночной пейзаж за окном, внезапно возникшее чувство стыда заставило Шэнь Хэна вспыхнуть всем телом. Обнаженная кожа его груди прижалась к внешнему стеклу, ставшему ледяным от дождевой воды, и от контраста этих двух предельных ощущений ему стало немного тяжело. Глухо стонав, он до крови закусил нижнюю губу.

— Не сдерживайся, кричи.

Цзян Чжуй разжал руку, сжимавшую его талию, и безжалостно оставил на белой худой спине Шэнь Хэна несколько покрасневших следов. Отпечатки пальцев и ладоней переплетались по глубине, выглядя настолько соблазнительно и ярко, что от них невозможно было отвести взгляд. На самом деле такие удары вовсе не причиняли боли; ему просто нравилось сверху вниз любоваться тем, как растерянно и чувственно выглядел Шэнь Хэн, когда его ладонь опускалась на него.

В подобных делах он всегда питал склонность к чему-то почти извращенному.

Купленные давным-давно презервативы так и лежали в ящике стола. Когда они только сошлись, Шэнь Хэн в порыве страсти пару раз мягко напоминал о них, но, поняв, что это бесполезно, больше об этом не заикался.

Это была одна из причин, почему Цзян Чжуй так ценил Шэнь Хэна.

Послушный.

Нет на свете мужчины, которому не нравился бы покладистый и послушный партнер в постели, и он, разумеется, не был исключением.

Покорность Шэнь Хэна росла день ото дня по мере того, как шло время, что они были вместе. При их первой встрече тот все еще оставался зажатым, робким студентом, смущавшимся в его присутствии. Четыре года назад Западный университет отмечал свое столетие. В честь этого события руководство с большой помпой разослало приглашения выдающимся выпускникам прошлых лет. Цзян Чжуй, как самый заметный из них, получил персональное приглашение выступить с речью. По правде говоря, от него требовалось лишь зачитать подготовленный школой текст, состоящий из бессодержательных наставлений.

В тот день актовый зал, вмещающий пятьсот человек, был забит до отказа. Хаотичный шум, громкий смех и мелькающие повсюду фигуры вызвали у него нестерпимое раздражение.

Ведущий все еще зачитывал длинное и нудное представление, а Цзян Чжуй, скрывая

нетерпение в глазах, отвел взгляд в сторону. Вскоре он заметил того, кто сидел в первом ряду и был поглощен чтением бумаг.

Студент слегка наклонил голову, и с трибуны можно было отчетливо разглядеть изящный изгиб его белой шеи. Он просто сидел в тишине, окутанный ореолом отстраненности и холода, который резко контрастировал с окружающим гомоном.

Когда ведущий закончил свою речь, по залу прокатилась волна чересчур бурных аплодисментов. Юноша, похоже, вздрогнул от неожиданности и машинально поднял голову. В это самое мгновение его ясные, чуть приподнятые у внешних уголков глаза встретились с взглядом Цзян Чжияю.

Обладатель этих глаз отличался утонченной красотой. Увидев Цзян Чжияю, он замер, и в его спокойном, холодном взгляде на одно короткое мгновение промелькнуло тайное смешение восхищения и растерянности. Сразу после окончания выступления Цзян Чжияю вернулся за кулисы. Перед самым уходом на углу коридора он заметил стройную фигуру: прижавшись спиной к окну, там стоял человек с несколькими листами материалов в руках, расслабленно глядя по сторонам.

Заметив появление Цзян Чжияю, он, казалось, слегка напрягся. В его глазах заплескалось нечто пылкое и бурное, не скрытое ни единой маской — от такого взгляда у любого могло защемить в сердце.

Прежде такой взгляд он видел лишь у одного-единственного человека. Брови Цзян Чжияю чуть нахмурились, на душе почему-то стало смутно и раздраженно.

За секунду до того, как они должны были разминуться, он без всякого удивления услышал голос этого студента.

Чистый голос, на редкость ровный тембр, в котором не чувствовалось ни малейшего волнения — это заставило Цзян Чжияю взглянуть на него несколько иначе.

В тот день на Шэнь Хэне была свободная белая футболка. Когда он запрокинул голову, глядя на Цзян Чжияю, от этого движения чуть качнулся свободный ворот, и черное родимое пятно в форме летящего гуся на ключице в тот самый миг, без единой заминки, легко и отчетливо врезалось в глаза Цзян Чжияю.

Его сердце отчаянно забилося, и на мгновение ему мерещился тот прежний гордый и красивый юноша, который указывал пальцем на еще покрасневшую и припухшую после нанесения татуировку в виде гуся у себя на ключице и с сияющим, исполненным непоколебимой уверенности взглядом говорил ему: Юй Сяо — это отбившийся от стаи гусь, а Цзян Чжияю для него — вечная весна.

В тот же вечер Шэнь Хэну завели руки за спину, вновь и вновь целуя этот самый участок кожи, пока он не покраснел и не припух, словно сорванный силой чарующий цветок манящего кровавого оттенка.

Они долго не виделись, и на этот раз Цзян Чжияю, как и прежде, был жесток. Шэнь Хэн сильно мучился от боли, обвивал руками шею Цзян Чжияю и тихонько стонал ему на ухо, хриплым голосом моля о пощаде, но Цзян Чжияю оставался глух к его мольбам, а силу прикладывал

лишь большую прежнего.

В конце концов в спальню Шэнь Хэна унесли на руках.

Он прижался лбом к теплой груди Цзян Чжуй, черные пряди беспорядочно падали на лоб и обрамляли уши, длинные ресницы отбрасывали на лицо изогнутые тени, а нежная белая кожа под чистым холодным светом ламп в спальне казалась хрупкой и уязвимой.

— Куда собрался?

Цзян Чжуй только уложил его обратно на кровать и переоделся, как услышал какое-то шуршание. Обернувшись, он увидел, что Шэнь Хэн уже приподнялся на кровати и сам натягивал пижаму; судя по лицу, ему все еще было тяжело, поэтому он замер на месте.

— В ванную, — хрипло ответил Шэнь Хэн. У него жутко ломило поясницу и ноги, а в горле першило так, будто там бушевал огонь.

Цзян Чжуй понял, к чему тот клонит, повернулся, подошел к кровати и тыльной стороной ладони ласково потер Шэнь Хэна по щеке:

— Ничего страшного, можешь не мыться, от этого ничего не будет.

— Заболею ведь, — щека Шэнь Хэна прижалась к тыльной стороне ладони Цзян Чжуй. Он поднял взгляд, в его влажных глазах сквозило капризное кокетство, а в голосе слышались просительные нотки: — Разве тебе меня не жалко?

— Тогда сиди смирно, я отведу тебя, — тихо хмыкнул Цзян Чжуй. Настроение у него сегодня было хорошим; он наклонился, коснулся рукой затылка Шэнь Хэна, поцеловал в межбровье, подхватил на руки и внес в ванную. На следующее утро, когда Цзян Чжуй проснулся, Шэнь Хэн всё ещё крепко спал у него в объятиях. Пряди волос беспорядочно рассыпались по лбу и щекам, а ресницы, подрагивая в такт дыханию, напоминали крылья порхающей бабочки.

Вероятно, ему было не очень удобно, и он потерся щекой о грудь Цзян Чжуй. Одеяло соскользнуло с плеч на грудь, обнажив полоску белой гладкой кожи. Лопатки, укрытые тенью темно-синего покрывала, выглядели невероятно соблазнительно и утонченно.

Цзян Чжуй протянул руку и поправил одеяло. Шэнь Хэн, спавший чутко, заворочался в его руках и с трудом разлепил глаза.

Из-за того, что он только что проснулся, уголки его глаз покраснели. Вчера Цзян Чжуй пообещал отвести его в ванную, чтобы привести в порядок, но на деле снова прижал его к ванне и терзал до глубокой ночи.

— Муж, — встретившись взглядом с его глубокими, как чернила, глазами, Шэнь Хэн машинально прильнул к нему и, обхватив его за шею, тихо прошептал.

Они лежали на боку, прижавшись друг к другу в невероятно интимной позе. Цзян Чжуй не ответил на ласковое обращение, вместо этого поднял руку и обвил его гибкую, крепкую талию поверх одеяла.

Утренние чувства всегда обострены, и Шэнь Хэн ощутил перемены в теле партнера, прижавшегося к нему. Он невольно отстранился и, колеблясь, произнес:

— Сегодня ведь на работу...

— Еще рано, — наконец медленно проговорил Цзян Чжияй. В его ленивом тоне сквозила властность. Он потянул Шэнь Хэна за талию, возвращая в прежнее положение.

Шэнь Хэн всегда страдал от низкого уровня сахара в крови, и после таких утренних упражнений у него закружилась голова.

Он посидел на краю кровати, приходя в себя. Цзян Чжияй, закончив с ним, вскоре снова уснул. Шэнь Хэн какое-то время с нежностью разглядывал его лицо, оставил легкий поцелуй на идеальном профиле, а затем отправился в ванную, где неторопливо привел себя в порядок.

В этой квартире были все необходимые вещи — даже когда здесь никто не жил, кто-то приходил для уборки и замены предметов быта. Шэнь Хэн приготовил себе медовую воду и принялся за завтрак.

Раньше он почти не умел готовить, но, начав жить с Цзян Чжияем, узнал его предпочтения и со временем понемногу научился кулинарии.

Когда Цзян Чжияй вышел из спальни, закончив умываться, Шэнь Хэн как раз ставил на стол тарелку с шаомай и миску супа с помидорами и креветками, от которой поднимался аппетитный пар.

Увидев его, Шэнь Хэн улыбнулся:

— Проснулся? Я как раз собирался тебя звать.

Цзян Чжияй хмыкнул, сел за стол и попробовал ложкой суп. Кисло-сладкий вкус помидоров в сочетании с нежным вкусом креветок — то, что нужно. Именно так, как он любит.

— Тебе сегодня на работу? — Цзян Чжияй взглянул на Шэнь Хэна, который прибирал разбросанные бумаги возле дивана. Шэнь Хэн склонил голову, и в вырезе его черной пижамы виднелась полоска белоснежной шеи, а черные волосы слегка покачивались при каждом его движении.

— Да, — не поднимая головы, ответил Шэнь Хэн.

— Я попрошу Сян И приехать. — Цзян Чжияй замолчал, словно о чем-то задумавшись, а затем изменил решение: — Ладно, я сам тебя отвезу.

— Хорошо, — Шэнь Хэн, казалось, был приятно удивлен таким ответом. В его голосе зазвучали нотки радости, и он выпрямился: — Я пойду наверх.

Позавтракав, Цзян Чжияй, проходя мимо дивана, взглянул на стопку документов, аккуратно сложенных Шэнь Хэном. Вся она была исписана мелким шрифтом. Его это не заинтересовало, он лишь бросил беглый взгляд, а обернувшись, увидел Шэнь Хэна, который уже спускался вниз в строгом костюме.

Он никогда прежде не видел его в такой форме, и это зрелище его поразило.

Волосы были уложены, чистые и сухие, из-за чего он казался менее покладистым, чем дома. Его фигура выглядела подтянутой, а узкая талия в белой рубашке — невероятно изящной. Цзян Чжияй невольно вспомнил, как она ощущалась в его ладонях — теплая, гибкая.

Шэнь Хэн под этим пристальным взглядом спустился вниз и, чувствуя неловкость, отвел глаза:

— Пора ехать.

Он подошел к дивану, наклонился, взял стопку документов и первым взял Цзян Чжияя за руку.

— ...М-м.

Когда ладонь Шэнь Хэна коснулась его, Цзян Чжияй на мгновение захотел отстраниться.

Все подобные проявления близости, напоминавшие ему о деталях прошлого, вызывали лишь отторжение. Он подавил внутреннее раздражение и коротко ответил.

— Взял с собой так много документов? Не устанешь? — спросил Цзян Чжияй, когда они вышли из дома.

Шэнь Хэн посмотрел на него:

— Нет.

— Понимаю. Если работа утомляет, можешь уволиться. Сиди дома, все равно много ты там не заработаешь, лучше присматривай за мной.

Черный Майбах скромно стоял неподалеку. Цзян Чжияй сел на водительское кресло и, увидев, как Шэнь Хэн решительно качает головой, насмешливо подумал про себя: «Ты хоть получил лицензию на практику?»

— Юридическая фирма организовывала подачу документов, пока нам выдали стажерские свидетельства, лицензию придется подождать, — Шэнь Хэн повернулся к нему, в его глазах читалось легкое недоумение. — Я же тебе говорил.

— Слишком много времени прошло, не помню, — ровным тоном ответил Цзян Чжияй. Он, не отрываясь, смотрел на дорогу, которая становилась все свободнее по мере того, как они выезжали из гаража, и прибавил скорости.

Перед тем как выйти из машины, Шэнь Хэн сам оставил легкий поцелуй на губах партнера.

Цзян Чжияй, чей интерес был подогрет сегодняшним нарядом Шэнь Хэна, решил взять инициативу в свои руки. Он нажал на плечо Шэнь Хэна, прижимая его к пассажирскому сиденью, и яростно принялся целовать.

Шэнь Хэн покраснел и, тяжело дыша, попытался оттолкнуть его руки:

— Опоздаю ведь.

— Вечером я тебя заберу, — Цзян Чжияй остался доволен реакцией Шэнь Хэна. Он слегка, но ощутимо сжал его покрасневшую нижнюю губу. — Иди.

<http://bllate.org/book/26348/3154352>